

УДК 341.42

Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений: российское законодательство и европейский опыт

В.А. ГУРЕЕВ,
кандидат юридических наук,
зав. кафедрой организации службы судебных приставов
и исполнительного производства Российской правовой академии Минюста России

В настоящей статье сделана попытка последовательно рассмотреть российский механизм признания и исполнения иностранных судебных решений в контексте существующих в этой сфере тенденций в зарубежных правовых системах, а также перспективы гармонизации отечественного процессуального законодательства с европейскими стандартами.

Решения судебных органов по общему правилу подлежат принудительному исполнению в той стране, на территории которой создан и действует вынесший их суд. Это соответствует сложившимся представлениям о государственном суверенитете и принципу невмешательства государственных органов одного государства в деятельность государственных органов другого государства.

Вместе с тем в реальной жизни может возникнуть потребность в принудительном исполнении судебного решения за пределами страны его вынесения, что и обуславливает необходимость обращения в компетентные органы иностранного государства. Подобная ситуация, например, имеет место в случаях, когда проживающее за пределами Российской Федерации лицо обязано уплачивать алименты, но не исполняет своей обязанности добровольно. При этом у него в России отсутствует имущество, на которое можно было бы обратить взыскание. Необходимость исполнения судебного решения за рубежом возникает на практике и по многим предпринимательским спорам. Важен тот факт, что иностранное судебное решение может быть вынесено в пользу не только иностранных, но и российских граждан, а также юридических лиц. Исполнение такого решения на территории Российской Федерации в последнем случае напрямую будет обеспечивать выполнение внутренней функции государства по защите прав российских граждан и национальных юридических лиц. Однако и в случаях, когда взыскателями по иностранным судебным решениям выступают иностранные граждане и юридические лица, вопрос о непризнании и не-

исполнении данных решений должен рассматриваться государством взвешенно, поскольку, как верно заметил Х. Шак, государство, пытающееся защитить своих граждан, не признавая иностранные судебные решения, лишь ослабляет доверие к ним за границей¹.

Следует отметить, что сама постановка вопроса об интернационализации исполнения судебных решений обуславливается существующими в настоящее время тенденциями сближения правовых систем, общепризнанных минимальных стандартов разрешения споров и обеспечения прав участников юридического процесса. Дальнейшее усиление целостности экономического оборота разных стран будет приводить лишь к укреплению хозяйственных, в том числе договорных, связей субъектов, что неминуемо повлечет за собой и увеличение числа судебных решений, нуждающихся в принудительном исполнении на территории иностранного государства.

Признание и исполнение на территории отдельно взятого государства решений иностранных судебных органов в конечном счете находится в плоскости усмотрения данного государства. В этой связи можно, на наш взгляд, согласиться с Т.Я. Хабриевой в том, что в международном праве нет прямых норм, обязывающих государства признавать и исполнять иностранные судебные решения, однако государства обычно признают их и исполняют — все дело в том, в каком объеме и на каких условиях². Стоит, однако, добавить, что подобное суждение будет не до конца справедливым в отношении стран Европейского союза, где, как будет показано ниже, интеграционные процессы достигли более высокого уровня.

¹ См.: Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. — М., 2001. С. 385. Цит. по: Зайцев Р.В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / Под ред. В.В. Яркова. — М., 2007. С. 7.

² См.: Хабриева Т.Я. Международное сотрудничество в области признания и исполнения иностранных судебных решений // Журнал российского права. 2006. № 8. См. также: Зайцев Р.В. Указ. соч. С. 6.

В российской доктрине сложилось несколько подходов к условиям допустимости признания и исполнения иностранных судебных решений.

Некоторые авторы склонны допускать возможность исполнения подобных решений исходя только из общепризнанных принципов международного права, к которым относится в том числе и принцип взаимности, а также руководствуясь общими соображениями международной вежливости. Например, И.В. Дробязкина полагает, что отсутствие международного договора с тем или иным государством вовсе не должно означать недопустимость исполнения иностранного судебного решения¹. Солидаризируются с ней Т.В. Соловьева и Д.В. Литвинский². Заметим, что рассмотрение принципа взаимности в качестве общепризнанного принципа позволяет в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ обосновывать обязательность его применения также и к случаям исполнения иностранных судебных решений в отсутствие международного договора. Указанный подход в литературе подвергается критике. Так, Б.Л. Зимненко полагает необоснованным признавать взаимность в качестве принципа международного публичного права и тем самым оправдывать исполнение иностранных судебных решений³.

Примечательно, что общие принципы международного права не должны обуславливать отрицание самой возможности введения со стороны исполняющего государства определенной процедуры проверки и выражения согласия на использование в каждом конкретном случае механизма принудительного исполнения (система экзекватуры).

Согласно иному подходу, возможность исполнения иностранного судебного решения напрямую зависит от факта заключения международного договора⁴. Кроме того, подлежит применению и система экзекватуры.

С учетом формального анализа норм отечественного процессуального законодательства, более обоснованным выглядит последний подход.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» порядок исполнения в Российской Федерации решений иностранных судов и арбитражей устанавливается соответствующими международными договорами Российской Федерации, процессуальным законодательством Российской Федерации и данным законом.

Гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство указывает на возможность признания и исполнения решений иностранных судов, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации (ч. 1 ст. 409 ГПК РФ, ч. 1 ст. 241 АПК РФ).

В процессуальном праве традиционно выделение исков о признании и исков о присуждении. В отличие от последних, первые не требуют какого-либо специального исполнения. С учетом данного обстоятельства законодатель устанавливает различные механизмы признания и исполнения иностранных судебных решений.

Если решение требует принудительного исполнения (иски о присуждении), то установлена система предварительного признания (экзекватура), позволяющая впоследствии принудительно исполнить его в рамках компетенции национальных органов государственной власти.

Требования к содержанию ходатайства (заявления) содержатся в ст. 411 ГПК РФ, а к содержанию заявления — в ст. 242 АПК РФ.

Названные ходатайства (заявления) рассматриваются в открытом судебном заседании с извещением должника о времени и месте рассмотрения (ст. 411 ГПК РФ, ст. 243 АПК РФ).

Цель системы экзекватуры — это, с одной стороны, проверка соблюдения минимальных стандартов осуществления правосудия в иностранном государстве, гарантирующих законность и обоснованность вынесенного решения, а с другой — учет интересов Российской Федерации.

Именно поэтому как ГПК, так и АПК устанавливают следующие основания для отказа в признании иностранного судебного решения:

— решение по праву страны, на территории которой оно принято, не вступило в законную силу или не подлежит исполнению (п. 1 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). К ходатайству (заявлению) должен быть приложен документ, подтверждающий вступление решения иностранного суда в законную силу, если это не вытекает из текста самого решения;

— сторона, против которой принято решение, была лишена возможности принять участие в процессе вследствие того, что ей не было своевременно и надлежащим образом вручено извещение о времени и месте рассмотрения дела (п. 2 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ);

¹ Дробязкина И.В. Международный гражданский процесс: проблемы и перспективы. — СПб., 2005. С. 113—115.

² См.: Соловьева Т.В. Международный договор как условие признания и исполнения иностранного судебного решения // Исполнительное право. 2008. № 3; Литвинский Д.В. «Исполнить нельзя отказать»: еще раз к вопросу о возможности приведения в исполнение решений иностранных судов на территории РФ в отсутствие международного договора // Вестн. ВАС РФ. 2006. № 4—5.

³ Зимненко Б.Л. К вопросу об исполнении и признании иностранных судебных и арбитражных решений при условии взаимности // Журнал российского права. 2006. № 8.

⁴ См.: Ярков В.В., Медведев И.Г., Трушников С.С. Некоторые проблемы интернационализации цивилистического процесса и гражданских юрисдикций в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 1.

— рассмотрение дела относится к исключительной подсудности судов в Российской Федерации. Подобные категории дел определены статьями 30 и 403 ГПК РФ, ст. 38 АПК РФ;

— исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности страны либо противоречит ее публичному порядку (п. 5 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ, п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). Данное основание отказа является оценочным и подлежит установлению российским судом в каждом конкретном случае. Говоря о суверенитете государства, необходимо определить его территориальные характеристики. Согласно общепризнанной в доктрине позиции, государственный суверенитет распространяется только на территорию данного государства. В этой связи исполнение решения юрисдикционного органа иностранного государства в известном смысле означает вторжение в суверенитет исполняющего государства. Вместе с тем в литературе высказывалось мнение, что исполнение иностранных судебных решений фактически не затрагивает сферу суверенитета и должно рассматриваться в качестве выполнения государством собственных функций (социальной, охраны правопорядка, охраны различных форм собственности и т. п.)¹. Соглашаясь с правильностью самой постановки вопроса о функциях государства и необходимости уважительного отношения к иностранному праву, полагаем, однако, ошибочным умалить значение суверенитета в решении проблемы признания иностранных судебных решений. Сам факт признания и исполнения акта органа иностранного государства уже является проявлением ограничения государственного суверенитета, но, поскольку исполняющее государство идет на это сознательно, устанавливая известные исключения и отдавая разрешение этого вопроса на усмотрение своего национального суда, такое ограничение суверенитета вряд стоит расценивать как нечто негативное для юридической практики;

— имеется вступившее в законную силу решение суда в Российской Федерации, принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям (или в производстве российского суда имеется такое дело) (п. 4 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ, пункты 4 и 5 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). Речь в данном случае идет об институте тождества исков, являющемся процессуальным инструментом, призванным препятствовать повторному рассмотрению идентичного дела (одинаковые предмет, основание и стороны) в ином суде. Вместе с тем до сих пор остается законодательно нерешенным вопрос, связанный с предъявлением двух и более тож-

дественных иностранных судебных решений. Формальное толкование ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ приводит к выводу, что они распространяются лишь на случаи, когда решение иностранного суда тождественно национальному судебному решению. На данную проблему уже обращалось внимание в юридической литературе². Следовательно, в подобных ситуациях есть легальные предпосылки к признанию и исполнению на территории Российской Федерации всех, даже противоречащих друг другу, иностранных судебных решений, что, однако, едва ли отвечает интересам стабильности и предсказуемости судебной деятельности. Представляется возможным предложить следующее решение названной проблемы. Отечественным процессуальным законодательством закреплена невозможность предъявления иска в случае вступления в законную силу решения суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ). По нашему мнению, названный запрет может быть отнесен к публичному порядку государства и на этом основании позволяет национальному суду отказывать в признании и исполнении каждого последующего иностранного судебного решения;

— истек срок предъявления решения к принудительному исполнению, и этот срок не восстановлен судом в Российской Федерации по ходатайству заявителя. В соответствии с ч. 3 ст. 409 ГПК РФ решение иностранного суда может быть предъявлено к принудительному исполнению в течение 3 лет со дня вступления его в законную силу. При пропуске по уважительной причине срок может быть восстановлен судом в Российской Федерации в порядке, предусмотренном ст. 112 ГПК РФ.

Сравнительный анализ гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства приводит к достаточно любопытному выводу. Так, если ч. 1 ст. 412 ГПК РФ говорит об отказе в принудительном исполнении, который *допускается* в означенных выше случаях, то ч. 1 ст. 244 АПК РФ использует формулировку, согласно которой арбитражный суд при сравнимых обстоятельствах *отказывает* в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения. Таким образом, буквальное толкование правовых норм свидетельствует о наличии у судов общей юрисдикции (в отличие от арбитражных) дискреционных полномочий, позволяющих им даже при наличии оснований для отказа в признании иностранного судебного решения выносить определение о принудительном исполнении такого решения и выдавать на его основе

¹ См.: Зайцев Р.В. Указ. соч. С. 6.

² См., например: Сорокина С.С. Отказ в признании и приведении в исполнение несогласованных решений иностранных судов на территории Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 7.

взыскателю исполнительный лист¹. Учитывая в целом равнозначный перечень оснований, препятствующих принудительному исполнению иностранного судебного решения, подобное расхождение в возможности судебного усмотрения едва ли выглядит обоснованным. Установление судебным органом наличия одного из перечисленных выше оснований для отказа должно означать безусловную невозможность принудительного исполнения решения иностранного суда на территории Российской Федерации.

В том случае, когда иностранное судебное решение не требует принудительного исполнения, согласно ст. 413 ГПК РФ оно признается на территории Российской Федерации без какого-либо дальнейшего производства, если, однако, со стороны заинтересованного лица не поступят возражения. Иными словами, установлена система последующего судебного контроля. В Российской Федерации к подобным судебным решениям относятся решения иностранных судов: относительно статуса гражданина государства, суд которого принял решение; о расторжении или признании недействительным брака между российским гражданином и иностранным гражданином, если в момент рассмотрения дела хотя бы один из супругов проживал вне пределов Российской Федерации; о расторжении или признании недействительным брака между российскими гражданами, если оба супруга в момент рассмотрения дела проживали вне пределов Российской Федерации; а также в других предусмотренных федеральным законом случаях (ст. 415 ГПК РФ).

Важно отметить, что подобные иностранные судебные решения автоматически признаются лишь при условии наличия соответствующего международного договора Российской Федерации. Указанный вывод основывается на систематическом и логическом толковании статей 413 и 409 ГПК РФ.

Примечателен и тот факт, что особый, более простой порядок признания иностранных судебных решений, не нуждающихся в принудительном исполнении, содержится лишь в ГПК РФ. В свою очередь арбитражное процессуальное законодательство (гл. 31 АПК РФ) подобных правовых норм не предусматривает и, как следствие, распространяет требования об экзекватуре на все иностранные судебные решения, в том числе и на те, которые не нуждаются в принудительном исполнении. По нашему мнению, это очевидное упущение российского законодателя, которое должно быть устранено.

Говоря о международном договоре как об основании для возможного признания и исполнения иностранного судебного решения, к числу наиболее дискуссионных следует отнести вопрос о предмете такого договора.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» под таким договором понимается международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

Процессуальное законодательство (ст. 409 ГПК РФ, ст. 241 АПК РФ) содержит указание на международный договор, в котором должна быть предусмотрена возможность признания и исполнения иностранных судебных решений на территории Российской Федерации. Если следовать буквальному прочтению, то получится, что для возможности экзекватуры иностранного судебного решения необходимо заключить специальный международный договор о таком признании и исполнении. Возникает вопрос, будет ли возможность учитывать юридические основания для признания иностранного судебного решения, если оно вынесено в государстве, заключившем с Российской Федерацией общий договор о правовой помощи и правовых отношениях. В этой связи логично было бы обратиться к судебной практике, однако и она, к сожалению, не дает нам определенного ответа.

Так, в постановлении ФАС Московского округа от 02.03.2006 № КГ-А40/698-06-П по делу о признании и исполнении решения иностранного суда к ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» кассационная судебная инстанция сформулировала правовую позицию, согласно которой наличие между Российской Федерацией и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, заключенного 24 июня 1994 г., является уже само по себе достаточным основанием для экзекватуры. Присутствие в указанном международном договоре пункта об обязательстве сторон обеспечивать свободный доступ физических и юридических лиц другой страны в компетентные суды и административ-

¹ В этой связи заслуживает внимание Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенная 10 июня 1958 г. в г. Нью-Йорке (Нью-Йоркская конвенция), в статье V которой при установлении основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений также используется конструкция «может быть отказано». При этом, как свидетельствует практика применения данной Конвенции, суды, следуя ее буквальному прочтению, могут признавать иностранные арбитражные решения и при наличии оснований для отказа в этом (см.: Yearbook of International Commercial Arbitration. Volume XXIV a. 1999. P. 652—677).

ные органы для защиты их индивидуальных прав и прав собственности должно, по мнению суда, пониматься и толковаться как предусматривающее компетенцию судов не только по рассмотрению споров, но и по признанию и приведению в исполнение решений иностранных судов сторон договора. На наш взгляд, приведенное расширительное толкование положений международного договора вполне обоснованно и отвечает объективным потребностям современного транснационального гражданского оборота.

В то же время Верховный суд РФ в своем определении от 01.12.2009 № 4-Г09-27¹, касающемся признания и исполнения на территории Российской Федерации решения районного суда Федеративной Республики Германия об уплате алиментов и задолженности по алиментным платежам, пришел к иному выводу, а именно — свидетельствующему о недопустимости рассмотрения факта участия Российской Федерации и ФРГ в международных актах (Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция об осуществлении прав детей, Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве) в качестве наличия между нашими странами международного договора о признании и исполнении иностранных судебных решений. Причем решающим для суда в этом случае явилось отсутствие в заключенных международных договорах положений о возможности признания и исполнения решений судов государств-участников на их территориях. Сформулированная позиция, очевидно, направлена на ограничительное толкование международно-правового сотрудничества, что выглядит достаточно странным на фоне существовавшей ранее позиции того же ВС РФ, допускавшего признание и исполнение решения иностранного суда исходя даже из принципа взаимности².

Современное правовое регулирование содержит исключения, допускающие возможность отступления как от необходимости существования специального международного договора, так и от соблюдения процедур экзекватуры.

Так, в ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливается правило о том, что при отсутствии международных договоров Российской Федерации решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации на началах взаимности. Изъятие из данного правила может быть пре-

дусмотрено лишь федеральным законом. Следует подчеркнуть, что для данной категории иностранных судебных решений все равно требуется соблюдение процедуры экзекватуры.

Совершенно иной режим исполнения иностранных судебных решений установлен между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Заключено Соглашение от 17 января 2001 г. «О порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь» (Московское соглашение)³. Данное Соглашение распространяется лишь на арбитражные (хозяйственные) суды, устанавливая, что вынесенные ими судебные акты не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются в общем порядке, т. е. путем обращения в органы принудительного исполнения. Презюмируется составление исполнительных документов на русском языке (ст. 2 Соглашения). Разъяснения относительно порядка применения данного Соглашения содержатся в совместном информационном письме ВАС РФ от 01.06.2004 № С1-7/МО-627, Минюста РФ от 28.01.2004 № 06/899-ЮЧ, ЦБ РФ от 04.06.2004 № 01-31/2020 «По вопросам применения Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь».

Отсутствие требования о существовании специального международного договора характеризует и принудительное исполнение решений арбитража.

Арбитраж в международном обороте традиционно рассматривается в качестве синонима отечественного института третейских судов. В этом смысле в российском законодательстве существует определенная путаница, на которую постоянно обращается внимание в юридической литературе⁴ и которая едва ли способствует интеграции России в международные экономические процессы. В то же время — это проблема скорее терминологического свойства. Далее понятия «арбитраж» и «арбитражное решение» будем употреблять в международно-правовом значении.

Иностранные арбитражные решения условно можно разделить на две группы:

— арбитражные решения, принимаемые по гражданским делам, не относящимся к сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

¹ Документ официально опубликован не был. См.: КонсультантПлюс.

² См.: Определение ВС РФ от 07.07.2002 № 5-Г02-64. При этом в п. 1 действовавшего на тот момент Указа Президиума ВС СССР от 21.06.1988 № 9131-ХІ «О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей», так же как и в ныне применяемых главах 45 ГПК РФ и 31 АПК РФ, указывалось в качестве предпосылки экзекватуры на необходимость заключения международного договора.

³ Соглашение ратифицировано Федеральным законом от 11.07.2002 № 90-ФЗ.

⁴ См.: Суханов Е., Бевзенко Р., Носырева Е., Чубаров В., Дорошков В. А вы слышали о федеральном третейском суде? // ЭЖ-Юрист. 2009. № 23.

— арбитражные решения, принимаемые по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности.

К последним относятся в том числе и решения международного коммерческого арбитража.

Международно-правовая регламентация вопросов признания и исполнения иностранных арбитражных решений (арбитражей) в настоящее время имеет унифицированное выражение в положениях Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенной 10 июня 1958 г. в г. Нью-Йорке (Нью-Йоркская конвенция). Участниками данной Конвенции являются около 140 государств. Конвенция пришла на смену Женевскому протоколу 1923 года об арбитражных оговорках и Женевской конвенции 1927 года о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. СССР, подписывая Нью-Йоркскую конвенцию 29 декабря 1958 г., сделал оговорку о том, что в отношении решений, вынесенных на территории государства, не участвующего в данной Конвенции, СССР будет применять ее на условиях взаимности.

В рассматриваемой Конвенции, в частности, закреплен основополагающий принцип, согласно которому к признанию и исполнению арбитражных решений не должны применяться существенно более обременительные условия, чем те, которые существуют для признания и приведения в исполнение внутренних решений.

И хотя, по справедливому замечанию И.О. Хлестовой, названная Конвенция «не создала единообразного режима приведения в исполнение арбитражных решений»¹, однако закрепленный в ней принцип позволяет говорить о наличии действенного механизма, обеспечивающего реальную исполнимость иностранных арбитражных решений, разумеется, при условии наличия эффективной системы исполнения решений национальных.

Другой особенностью, отличающей признание и исполнение арбитражных решений от установленного общего порядка, как уже отмечалось, выступает отсутствие требования об обязательном наличии международного договора Российской Федерации. Это в значительной степени интернационализирует процедуры признания и исполнения решений и способствует более широкому использованию арбитража в сфере внешнеэкономической деятельности, причем распространяется на обе группы названных выше иностранных арбитражных решений.

На национальном уровне правовое регулирование вопросов признания и исполнения первой группы арбитражных решений обеспечивается гражданским процессуальным законодательством. Так, в соответствии со ст. 416 ГПК РФ на них распространяют свое действие статьи 411—413 ГПК РФ, за исключением:

— требований к предъявляемым документам: сторона, ходатайствующая о признании или об исполнении решения арбитража, должна представить подлинное решение иностранного третейского суда (арбитража), подлинное арбитражное соглашение или их надлежащим образом заверенные копии, а также надлежащим образом заверенный перевод этих документов на русский язык;

— оснований для отказа в признании и исполнении решений арбитражей, которые специально оговорены в ст. 417 ГПК РФ.

Следовательно, и национальное законодательство, исключая применение в рассматриваемом случае ст. 409 ГПК РФ, хотя и косвенно, но подтверждает необязательность наличия международного договора Российской Федерации для признания и исполнения иностранного арбитражного решения. Если же говорить о необязательности международного договора при признании и исполнении иностранных арбитражных решений, вытекающих из экономических споров, то в ст. 241 АПК РФ указанный вопрос решается не столь однозначно, что, безусловно, следует отнести к недостаткам юридической техники.

Иностранные арбитражные решения по делам, возникающим из осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, признаются и исполняются на территории Российской Федерации в соответствии с нормами АПК РФ. Схожие требования к составу документов, прилагаемых к заявлению о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, установлены ч. 4 ст. 242 АПК РФ.

Кроме того, подлежит применению ратифицированная нашим государством Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (подписана в Женеве 21 апреля 1961 г.), развивающая отдельные положения Нью-Йоркской конвенции.

Вслед за гражданским процессуальным законодательством АПК РФ вводит и специальные основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (ч. 2 ст. 244).

Эффективным механизмом защиты своих прав и законных интересов со стороны предпринимателей, осуществляющих внешнеэконо-

¹ Хлестова И.О. Актуальные вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в Российской Федерации // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: Сб. ст. к 75-летию Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации / Под ред. А.С. Комарова. — М., 2007.

вую деятельность, выступает институт международного коммерческого арбитража.

Сегодня в Российской Федерации действует Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон о МКА), в соответствии с которым при Торгово-промышленной палате РФ созданы Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) и Морская арбитражная комиссия (МАК).

Согласно ст. 35 Закона о МКА, арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение, если отсутствуют основания для отказа в его признании или приведении его в исполнение (ст. 36 Закона о МКА). Следовательно, названный законодательный акт также исходит из необязательности наличия международного договора Российской Федерации о признании и исполнении соответствующих решений.

Все это позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на более либеральное отношение к иностранным арбитражным решениям (отсутствие требований об обязательном наличии международного договора), российское законодательство все же сохраняет для них конвенциональную экзекватуру.

Значительный интерес в этой связи представляет рассмотрение эволюционных процессов в европейской практике признания и исполнения иностранных судебных решений.

За последние 10 лет в рамках единого европейского пространства в рассматриваемой сфере произошли весомые изменения.

Так, с 2001 года Регламентом «Брюссель-1»¹ хотя и предусматривалась возможность исполнения решений по гражданским и коммерческим спорам на территории иного государства — члена Европейского союза, однако также лишь с соблюдением правил об экзекватуре.

Стремление упростить порядок транснационального исполнения судебных актов привел ЕС к принятию на первом этапе Регламента «Брюссель-II bis», отменившего экзекватуру по отдельным категориям дел, а на втором — Регламента, создавшего механизм Европейского исполнительного листа по бесспорным требованиям, который вступил в силу с октября 2005 года². Этот Регламент распространяется на все государства — члены Европейского союза, кроме Дании³.

Цель введения Европейского исполнительного листа (далее — ЕИЛ) на официальном

уровне впервые была поставлена еще в Программе мер по имплементации принципа взаимного признания решений по гражданским и коммерческим делам, утвержденной Советом Европы 30 ноября 2000 г.⁴, однако практически реализовать ее удалось лишь без малого через 5 лет.

Главное достоинство ЕИЛ — отсутствие экзекватуры, которая с учетом особенностей национального законодательства ряда стран могла занимать еще и значительный промежуток времени.

При общей положительной оценке введения ЕИЛ отдельные европейские исследователи сначала выражали настороженность, связанную с возможным наплывом большого числа исполнительных документов в отдельно взятое государство из других стран Евросоюза, что неминуемо привело бы к необходимости более активного развития ADR (*alternative dispute resolution* — альтернативное разрешение споров) процедур⁵.

Система ЕИЛ, как отмечалось, упразднила правила об экзекватуре, однако лишь в отношении бесспорных требований. В части же остальных решений система экзекватуры продолжает применяться, что прямо следует из положений общего Регламента «Брюссель-1».

Понятие «бесспорность» трактуется в весьма широком значении, предполагающем осведомленность должника о наличии в отношении него судебного решения. Так, бесспорность будет существовать в случаях признания иска или заключения между сторонами мирового соглашения. Иными словами, в результате собственных активных действий должник сам признает предъявленное к нему требование. Неявка в суд без уважительной причины, непредставление отзыва на иск или неиспользование возможности обжалования вынесенного судебного акта при условии надлежащего извещения должника (т. е. доступным способом и своевременно) также свидетельствуют о бесспорности требования, поскольку, по смыслу Регламента, своим бездействием должник, по существу, соглашается с обоснованностью имеющихся в его адрес притязаний.

Регламент предусматривает возможность признания качеств ЕИЛ следующим исполнительным документам: судебному решению, судебному соглашению (в частности, мировому соглашению), аутентичным документам по бесспорным требованиям (par. 1 Article 3).

Причем под судебным решением понимается как собственно решение судебного органа,

¹ Regulation (EC) № 44/2001 of the European Parliament and of the Council of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // OJ. L. 12. 16.01.2001. P. 1.

² Regulation (EC) № 805/2004 of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 creating a European Enforcement Order for uncontested claims // OJ. L. 143. 30.04.2004. P. 15.

³ Par. 3 Article 2 Regulation № 805/2004.

⁴ OJ. C. 12. 15.01.2001. P. 1.

⁵ Poernbacher K. New European Enforcement Order — The German Perspective // URL: <http://www.inernationallawoffice.com> (дата размещения: 30.08.2004; дата просмотра: 29.01.2010).

так и постановление судебного исполнителя (par. Article 4).

К аутентичным относятся документы, определяемые государством в качестве бесспорных, а также в некоторых случаях — административные соглашения (р. «b», par. 3 Article 4).

Вполне очевидно, что введение упрощенного порядка, исключаяющего какую-либо предварительную проверку со стороны исполняющего государства, должно сопровождаться созданием эффективных механизмов судопроизводства, которые гарантировали бы исполняющему государству, что все основные процессуальные права должника ни в коей мере не были ущемлены в стране выдачи ЕИЛ. Для этого Регламент значительное внимание уделяет минимальным стандартам, соблюдение которых является предпосылкой такой выдачи. В основном данные стандарты направлены на проверку факта информированности должника о состоявшемся процессе и о вынесении в отношении него соответствующего судебного акта.

В Регламенте содержится важное положение, запрещающее применение в национальном законодательстве любой юридической фикции, приводящей к выводу о соблюдении минимальных стандартов (р. 13 Reg. 805/2004). Иными словами, недопустимо, например, установление каких бы то ни было презумпций получения должником уведомления без фактического совершения действий по его вручению.

Однако, запрещая использование юридической фикции, Регламент сам же ее и применяет. Так, предположение о бесспорности требования, основанное на бездействии должника (неучастие в процессе, непредставление отзыва на иск или неиспользование возможности обжалования решения), является лишь косвенным свидетельством бесспорности, что в известной степени приобретает черты юридической фикции, т. е. придания явлениям не характерных им с самого начала юридических свойств. По меткому определению французского правоведа Генри Дюмерила, фикция обозначает предположение какого-либо факта или качества, предположение, нередко противоречащее действительности, но рассчитанное на то, чтобы произвести известные юридические последствия¹.

По оценке некоторых зарубежных правоведов, к слабым местам ЕИЛ относится возможность чрезмерного усмотрения государств — членов ЕС в вопросах введения и вступления в силу названного листа, а также контроля за соблюдением минимальных стандартов, что потенциально позволяет сужать границы Регламента до минимума².

Думается, едва ли стоит это относить к упущениям объединенного европейского законодательства. Необходимо отдавать себе отчет в том, что любой подобный акт выступает результатом компромисса между интересами различных государств и множества уникальных правопорядков.

В целом следует признать, что, несмотря на имеющиеся проблемы, связанные с реализацией механизма ЕИЛ, сам факт создания системы, в основу которой положено доверие к качеству правосудия за пределами страны исполнения, без преувеличения является революционным шагом в интернационализации процесса защиты гражданских прав и законных интересов лиц вне зависимости от места осуществления функции по рассмотрению спора.

Проводя сравнительный анализ отечественной модели признания иностранных судебных актов и европейской практики решения данного вопроса, можно отметить определенную схожесть между системами экзекватуры и проверки соблюдения минимальных стандартов. Речь, в частности, может идти о таком основании отказа в признании на территории России иностранного судебного решения, как отсутствие возможности участия должника в судебном процессе вследствие его неизвещенности. Как указывалось ранее, и европейские минимальные стандарты также в основном связываются с фактом информированности должника.

Принципиальное различие рассматриваемых моделей состоит в отказе Регламента № 805/2004 от ссылок на *ordre public* (общественный порядок), что, безусловно, сохраняется в отечественном законодательстве. Кстати, именно данное положение является наиболее дискуссионным и в самом Евросоюзе, нередко подвергаясь критике³.

Едва ли уместно проводить параллели между российским и европейским подходом к вопросам признания и исполнения иностранных судебных решений, которые не в последнюю очередь детерминированы общим уровнем развития интеграционных процессов в законодательстве.

В то же время система экзекватуры, оставшаяся еще с советских времен, а также потребность заключения преимущественно двусторонних международных договоров, на наш взгляд, выступает сегодня сдерживающим фактором в создании если не единого, то хотя бы в значительной степени более интегрированного правового пространства.

Думается, на первом этапе мы должны смелее применять принцип взаимности, что будет

¹ См.: *Dumeril H.* Les fictions juridiques. — Paris. 1882. P. 5. Цит по: *Дормидонтов Г.О.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. — Казань, 1895. С. 6.

² См.: *Necroshyus V.* European writ of execution — purposes and problems of putting into effect // *Comparative Law: science, methodology and academic discipline: Materials of the International Scientific Practical Conference.* Krasnoyarsk, Sept. 25—26, 2008: In 2 Vol. Vol. 1. P. 115.

³ *Ibid.* P. 123.

способствовать созданию положения, при котором Россия сможет взаимодействовать с дружественными нам правовыми порядками, а это, в свою очередь, позволит в будущем ставить вопрос об отмене с такими государствами системы экзекватуры и о введении упрощенного порядка признания и исполнения судебных решений, а быть может, и о создании института, схожего с ЕИЛ.

Рассматривая признание и исполнение иностранных судебных (арбитражных) решений, основное внимание уделяется предпосылкам такого признания, различным процессуальным аспектам, а также основаниям отказа в признании и их обоснованности. При этом непосредственно процедура исполнения иностранных решений, как правило, остается без внимания.

Ни для кого не секрет, что следующая за признанием иностранного судебного (арбитражного) решения процедура исполнительного производства находится уже в сфере сугубо национального правового регулирования.

Признавая право на самобытность систем исполнительного производства, формировавшихся под влиянием уникальных исторических и культурных традиций отдельно взятого государства, следует тем не менее констатировать практическое неудобство, связанное в первую очередь с необходимостью учета во внешнеэкономических отношениях множества национальных систем принудительного исполнения. По всей видимости, осознавая данное обстоятельство, в рамках объединенного европейского пространства предпринимаются определенные попытки сближения процедур принудительного исполнения актов юрисдикционных органов. В частности, Комитетом Министров Совета Европы 9 сентября 2003 г. были приняты Рекомендации государствам-членам «О принудительном исполнении», касающиеся

определения общих начал осуществления процедур исполнительного производства, а также принципов организации профессии судебного пристава¹.

Некоторые авторы указывают на целесообразность кодификации в международном праве порядка исполнения международных арбитражных решений². Думается, что эта, по существу, правильная мысль нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что решения арбитражей, как известно, подлежат принудительному исполнению по общим, установленным для всех судебных решений правилам, и унификация порядка исполнения международных арбитражных решений невозможна без соответствующих процедур гармонизации национальных систем исполнительного производства в целом.

Относительно последнего в литературе высказывается достаточно сдержанная позиция, согласно которой первостепенна в сфере международного исполнительного производства не унификация его внутренних институтов, а гармонизация взаимодействующих институтов, и прежде всего в сфере признания иностранных судебных актов³. Полностью разделяя данный подход, в то же время считаем его лишь начальным шагом к созданию унифицированной системы принудительного исполнения судебных (арбитражных) решений вне зависимости от страны их вынесения, что вовсе не должно рассматриваться как некая утопия. Потребность в этом предопределяется глобализацией мирового хозяйства.

Самобытность организации профессии судебного пристава в том или ином государстве отнюдь не должна препятствовать унификации базовых процедур принудительного исполнения. По нашему убеждению, это хотя и сложный и весьма продолжительный, но все же неизбежный процесс.

¹ Recommendation Rec(2003)17 of the Committee of Ministers to member states on enforcement (adopted by the Committee of Ministers on 9 September 2003 at the 851st meeting of the Ministers' Deputies).

² См.: Петров Д.В. Общая характеристика исполнения решений международных (публичных) арбитражных судов // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 2. С. 32.

³ См.: Ярков В.В. Основные мировые системы принудительного исполнения: Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. — М., 2008.